

ВЕРА ПОЛЫНИНА

БАБУШКИ ПРОТИВ!

Вера Польшина

Бабушки Против!

«Автор»

2026

Полынина В.

Бабушки Против! / В. Полынина — «Автор», 2026

— Мы уже дважды собирали на крышу. Где обе крыши? Нина Аркадьевна тридцать четыре года преподавала литературу и привыкла читать между строк. Роза тридцать лет отпускала молоко на рынке и чует несвежее за квартал. Лида просто здоровается со всеми в лифте и помнит, у кого какие таблетки. До этой осени они были соседками — и только. Потом на собрании жильцов не сходится смета на кровлю. А спустя несколько дней председатель ТСЖ, который эту смету зачитывал, умирает. Дело закрывают быстро, и официальная версия устраивает всех. Кроме трёх женщин, у которых есть жестяная банка с надписью «на венок», законный повод обойти двенадцать квартир и слишком много свободного времени. Они начинают с квитанций. Дойдут до дарственной, оформленной двадцать лет назад. В доме, где все знают друг друга в лицо, самое трудное — понять, кого ты не знаешь совсем.

Содержание

Глава 1. Собрание жильцов	5
Глава 2. Три утра	10
Глава 3. Чужие ботинки	14
Глава 4. Дом гудит	18
Глава 5. Кто не пришёл	22
Глава 6. Просто уточнить	26
Глава 7. Двенадцать квартир	30
Глава 8. Смета есть, крыши нет	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Бабушки Против!

Глава 1. Собрание жильцов

Актальный зал школы №3 пах мелом и обойным клеем — этот запах не выветрился за восемь лет, что она сюда не заходила. Стулья стояли рядами, как на выпускном, только вместо нарядных десятиклассников в них рассаживались взрослые люди в куртках, и половина держала в руках квитанции, как шпаргалки, которые вот-вот отберут.

Нина Аркадьевна прошла к третьему ряду сбоку — там, где раньше сидели те, кто спит, — и обнаружила, что место уже занято двумя знакомыми спинами. У входа ещё топтались опоздавшие, стряхивая с плеч мелкий дождь, а одна из молодых мам возилась с коляской, пытаясь протиснуть её между рядами кресел, явно не рассчитанных на такую нагрузку.

— Долго копалась, — сказала Роза, не оборачиваясь. — Я тебе место держала локтем.

— Я укладывала волосы.

— Оно и видно.

Лида подвинулась, пропуская Нину между собой и стенкой, и зашептала так, будто в зале уже спали:

— Тут Пантелеев с папкой. С толстой. Мне кажется, будет что-то серьёзное.

— Тебе всегда кажется, что будет что-то серьёзное, — сказала Роза. — В прошлый раз тебе казалось насчёт шлагбаума.

— Шлагбаум и правда поставили.

— За наш счёт.

Зал заполнялся привычным способом: сначала одинокие пенсионеры, которые приходили на всё подряд, потом семьи с одним взрослым — второй всегда «на работе, у него сменный график», потом, за пять минут до начала, вбегали те, кому действительно было важно и кто действительно опаздывал. С первого этажа, из сорок седьмой, вошла тихая женщина в вязаной кофте — Нина знала её в лицо, но не могла вспомнить имени, только то, что та вечно поливала фикус у лифта, хотя фикус был общий и по документам ничей. Женщина села с краю, ближе к двери, — видно, заранее рассчитала путь на случай, если захочется уйти пораньше.

Крутиковы явились всей семьёй, включая подростка с наушником в одном ухе, и заняли целый ряд, всем видом показывая, что место тут причитается им по праву. Глава семьи, крупный мужчина с голосом, рассчитанным на стройку, поздоровался со всем залом одновременно — не с кем-то конкретно, а просто в воздух, чтобы услышали.

Инга Пантелеева вошла последней, тихо, в хорошем пальто, и села в первом ряду, где сидят либо очень уверенные люди, либо жёны председателей.

Сам Валерий Пантелеев поднялся на сцену, где раньше стояла кафедра для линейек, и постучал ручкой по графину — привычка, оставшаяся, видимо, ещё от прежнего председателя, потому что графин на сцене был явно не его, школьный, треснутый по ободу.

— Товарищи, — начал он и сразу же сам себя поправил — вспомнил, видимо, что не на профсоюзном собрании: — Уважаемые жители. Спасибо, что пришли, тема важная.

— Тема всегда важная, — тихо сказала Роза. — Важная тема — это когда с тебя хотят денег.

— Роза.

— Что — Роза. Я тридцать лет на молочных рядах, я запах вижу за квартал.

Пантелеев раскрыл папку — ту самую, толстую, которую Лида уже успела мысленно занести в реестр серьёзных предзнаменований, — и начал объяснять про кровлю. Крыша дома, по его словам, находилась в состоянии, которое он называл «критическим», хотя, судя по тому,

как спокойно он это произносил, критическим оно было примерно так же, как погода — то есть каждый год немного, и всегда можно ещё немного потерпеть.

— В четвёртом подъезде течёт над лестничной клеткой, — говорил он. — Уже второй сезон. Комиссия из управляющей компании подтвердила. Смета готова, я её сейчас зачитаю.

Он зачитал смету. Цифра прозвучала такая, что подросток с наушником вынул наушник из уха — видимо, звук денег пробивается через любую музыку.

— А в прошлом году мы на что сдавали? — спросил кто-то из середины зала, мужской голос, немолодой.

— В прошлом году, Пётр Ильич, мы собирали на домофоны, вы же сами голосовали.

— Домофон я себе поставил за свой счёт, потому что общий не работал полгода.

По залу прошёл смешок — не общий, а такой, какой бывает, когда все узнают знакомую шутку про местную жизнь.

— Отдельный вопрос, — сказал Пантелеев твёрдо, тем тоном, каким учитель труда оставливает драку, не разбираясь, кто начал. — Домофоны сами по себе, кровля сама по себе. Давайте не смешивать.

Нина слушала и одновременно делала то, что делала всегда на любом собрании, педсовете или родительском часе, — раскладывала зал по темпераментам, как когда-то раскладывала сочинения по стопкам: эти написали по шаблону, эти списали друг у друга, а эти двое сидят и от скуки уже придумывают, как сорвать урок. Крутиковы явно относились к третьей категории. Глава семьи поднял руку почти сразу, не дожидаясь, пока Пантелеев закончит фразу.

— А кто проверял смету? Кто вообще эти люди? У меня сосед в строительной фирме работает, я ему покажу — он за полцены сделает.

— Смету утверждало правление.

— Правление — это вы и два человека, которых никто не видел.

— Марат Русланович тоже в правлении, вот он сидит.

Худой молодой человек во втором ряду, до этого момента не привлекавший внимания, вздрогнул, будто его вызвали к доске без подготовки, и неловко приподнялся с места, как бы подтверждая факт своего существования, а не готовясь что-то сказать.

— Бухгалтер, — прошептала Лида, наклонившись к Нине. — Марат. Он у нас все квитанции считает. Хороший мальчик, только руки трясутся, когда с людьми говорит.

— Руки трясутся у всех бухгалтеров, — сказала Роза. — Это профессиональное. Слишком долго на цифры смотрят, потом на людей смотреть страшно, вдруг тоже с ошибкой.

Собрание шло своим чередом: кто-то спрашивал про сроки, кто-то — про подрядчика, кто-то жаловался вообще не по теме, вспоминая, что ещё в позапрошлом году обещали лавочки во дворе, и лавочек до сих пор нет. Пантелеев отвечал ровно, терпеливо, иногда чуть более торопливо, чем требовал вопрос, — так отвечает человек, который хочет, чтобы собрание закончилось до того, как кто-нибудь спросит что-то по-настоящему неудобное. Нина отметила это про себя и тут же одёрнула себя мысленно: она давно привыкла видеть подтекст там, где его, возможно, не было, — профессиональная деформация человека, тридцать четыре года читавшего между строк чужих сочинений.

— Роза Тимуровна, у вас вопрос? — Пантелеев заметил поднятую руку.

— У меня не вопрос, у меня наблюдение, — сказала Роза, вставая с достоинством человека, который тридцать лет отпускает молоко и знает цену не только продукту, но и словам. — Мы уже дважды собирали на крышу. Один раз — три года назад, при прошлом председателе, тогда ещё Семён Аркадьич был, царствие ему небесное на пенсии в Ялте. Второй раз — в позапрошлом, уже при вас. Где обе крыши?

— Первый сбор пошёл на другие нужды, было своё решение...

— Решение я подписывала?

— Было общее собрание.

— Значит, крыша течёт третий год, а денег на неё собрали уже дважды, и оба раза она осталась той же самой дырявой. Вы понимаете, как это звучит с молочного ряда? Это звучит как человек, который два раза продал одну и ту же банку сметаны.

По залу опять прошёл смешок, на этот раз громче, и Пантелеев улыбнулся — той улыбкой, которой улыбаются люди, вынужденные признать шутку удачной, даже если она бьёт по ним самим.

— Роза Тимуровна умеет сформулировать, — сказал он. — Но смета этого года прозрачная, все документы в правлении, приходите, смотрите.

— Приду, — пообещала Роза, садясь. — Обязательно приду.

— И правда бы надо посмотреть документы, — тихо сказала Лида, наклоняясь к обеим. — А то мало ли.

— Мало ли что, Лидочка?

— Ну. Просто. Может, не надо было так резко про сметану. Он расстроился вроде.

— Он не расстроился, он считает, сколько народу поверило, — сказала Роза.

Нина за это время рассматривала женщину с фикусом в углу — та сидела тихо, сложив руки на коленях, и, кажется, вообще не собиралась ни о чём спрашивать, только слушала внимательно, чуть склонив голову, как слушают дальнюю родственницу на похоронах — вежливо, но без личного интереса. Рядом с ней, через два кресла, тот самый Пётр Ильич, который спрашивал про домофоны, всё пытался расслышать реплики с задних рядов и в итоге громко переспросил соседа:

— Что она сказала про сметану?

Крутиковы, оставшись без внимания зала, снова заворочались.

— А кто будет следить за подрядчиком? Опять этот, с прошлого раза, который окна ставил криво?

— Подрядчик другой.

— Ну да, конечно, другой. У них тут все подрядчики другие, а лица одинаковые.

— Если у вас есть конкретное предложение по кандидатуре, вносите на правлении.

— Я вношу предложение вообще этот сбор отложить до полной ревизии.

Зал загудел — с одной стороны, недовольные тем, что собрание затягивается, с другой — заинтересованные словом «ревизия», которое звучит солидно и почти всегда означает, что кто-то кого-то поймает. Пантелеев поднял руку, призывая к тишине, — жест, знакомый Нине по тридцати четырём годам работы с классами, где всегда находился один Крутиков на весь кабинет.

— Друзья, время позднее, у многих завтра работа. Предлагаю голосовать. Кто за то, чтобы утвердить сбор на ремонт кровли согласно представленной смете?

Руки поднялись — не все разом, а волнами, как в классе, где сначала тянут руку отличники, а за ними, чуть стесняясь, подтягиваются остальные. Крутиков демонстративно руку не поднял, но и против не голосовал, глядя в потолок с видом человека, чья принципиальность не нуждается в подтверждении бюллетенем. Тамара Игнатьевна — так, вспомнила наконец Нина, женщину с фикусом звали Тамара Игнатьевна, с пятого этажа, — подняла руку спокойно, вместе с большинством, без раздумий, — похоже, давно решила для себя, что спорить с такими вещами бесполезно и надо просто платить, чтобы жить дальше.

— Принято большинством, — объявил Пантелеев, и в его голосе прозвучало что-то похожее на облегчение, слишком заметное для человека, который просто закрывает рядовой пункт повестки.

Роза наклонилась к Нине, пока зал зашумел, задвигал стульями, потянулся к выходу.

— Заметь себе, — сказала она негромко, — эти деньги мы больше не увидим. Ни в этом году, ни в следующем. Крыша как текла, так и будет течь, а Пантелеев в следующий раз найдёт новую причину собрать ещё раз.

— Может, ты несправедлива, — сказала Нина. — У него был усталый вид, а не воровской.

— У воров всегда усталый вид, Ниночка. Ты сорок лет проверяла сочинения и всё ещё веришь, что плохой почерк — от старательности.

Лида, застёгивая куртку, посмотрела на обеих с тревогой человека, который очень хочет, чтобы все просто разошлись по домам без продолжения.

— Девочки, пойдёте, а то Роза сейчас договорится до того, что нас из подъезда выселят.

Они вышли втроём в вечер, который в Стрелицах в сентябре пахнет не по-городскому — прелым листом с бульвара, дымом с чьей-то дачи за рекой, немного хлоркой из открытого окна поликлиники. Фонари вдоль дороги к Садовой горели через один, как горели уже третий месяц, и по этому поводу тоже писали в управляющую компанию, только ответа так и не пришло.

— У меня, между прочим, сегодня Андрей звонил, — сказала Нина, меняя тему первой, потому что чувствовала: если сейчас не сменить разговор, весь вечер будет про кровлю. — Опять зовёт к себе в Москву. Говорит, одной тяжело в её возрасте.

— В чьём это её? — фыркнула Роза. — Ты моложе меня на три года.

— Он имел в виду вообще.

— Вообще ты держишься лучше многих сорокалетних. Скажи ему, что мать ещё цветущая женщина с активной социальной жизнью.

— Социальная жизнь у меня — это ваше собрание.

— Ну вот и скажи ему, что у тебя насыщенная общественная работа, — сказала Роза. — Это не соврать.

Лида шла чуть позади, погружённая в свой телефон, и вдруг остановилась.

— Девочки, я в чат дома написала. Опять во втором подъезде на площадке между четвёртым и пятым лампочка не горит. Третий раз за месяц выкручивают, что ли, или сами лопаются?

— Дом старый, — сказала Нина. — Проводка тоже своё отжила.

— Просто мне туда завтра рано, к смене, темно ещё будет.

— Возьми мой фонарик, — сказала Роза. — У меня в сумке всегда есть, с рынка привычка, там электричество тоже не подарок.

Они дошли до Садовой, 12 — девятиэтажки, вставшей в ряд с такими же панельными сёстрами, только чуть более обшарпанной, потому что была первой в серии и досталась строителям, ещё не набившим руку. У подъезда, как обычно в этот час, курил один из парней с соседнего двора, а из окна третьего этажа доносился звук телевизора — программа новостей, одна и та же по всем каналам одновременно. Где-то хлопнула форточка, и запахло чужим ужином — жареной картошкой, судя по всему, с луком.

— Ладно, — сказала Роза, останавливаясь у своего подъезда, первого. — Я спать. Завтра к шести вставать, молоко само себя на прилавок не выложит.

— Спокойной ночи, — сказала Лида. — Только я всё равно про лампочку ещё раз напишу, вдруг Пантелеев увидит и распорядится.

— Пантелееву сейчас не до лампочек, — сказала Роза уже через плечо, скрываясь в подъезде. — Пантелееву сейчас деньги на кровлю считать, которая как текла, так и будет течь.

Нина поднялась к себе на седьмой, в квартиру, где после смерти мужа и отъезда сына было слишком много тишины и слишком мало причин её нарушать. Она разложила пальто, поставила чайник и, ожидая, пока закипит, машинально взяла с полки старую тетрадь — не для дела, просто по привычке иметь под рукой то, во что можно записать мысль, если она придёт не вовремя. Мысль пришла: усталый вид у Пантелеева был не такой, как у человека, который просто не любит собрания. Скорее такой, как у ученика, знающего ответ, но боящегося, что его спросят не про то.

Она ничего не записала. Решила, что это просто вечер такой — располагающий видеть загадки там, где их нет.

Чайник закипел, и она встала налить кипятка в заварочный чайник, привычным движением ополоснув его перед этим кипятком из-под крана — ритуал, доставшийся ей от собственной матери и повторяемый теперь каждый вечер без исключения, вне зависимости от того, чем закончился день.

Глава 2. Три утра

Будильник в квартире на седьмом этаже не звонил уже три года — с тех пор как ушла на пенсию, Нина Аркадьевна просыпалась сама, в семь без четверти, минута в минуту, будто внутри всё ещё сидело школьное расписание и требовало встать к первому уроку. Она открыла глаза, послушала тишину — не пустую, а именно квартирную, с тиканьем часов на кухне и шумом лифта где-то далеко внизу, — и подумала то же, что думала почти каждое утро: что тишина была бы не такой громкой, если бы в соседней комнате кто-нибудь ворочался. За окном едва начинало светать, небо стояло бледно-серым, без единого просвета, обычным для конца сентября в Стрелицах.

Муж умер шесть лет назад, сын жил в Москве десять, и оба факта давно перестали быть новостью, но каждое утро заново предъявляли счёт: вот стол на кухне, накрытый на одного, вот вторая чашка в шкафу, которую она так и не убрала, потому что убрать чашку значило признать что-то окончательное.

Она заварила чай, включила радио на кухне — не слушать, а чтобы был звук, — и раскрыла тетрадь с проверочными работами, которые сама себе задавала: выписки цитат, план урока по «Грозе», который никогда не прочитает ни один класс. Привычка осталась от тридцати четырёх лет работы, как у военного пенсионера остаётся привычка застилать койку по уставу.

Из окна кухни был виден двор — не сад, обычный дворовой асфальт с бельём на верёвках между двумя тополями и песочницей, из которой давно выросли все дети, кроме соседских близнецов с первого этажа. Нина знала расписание двора не хуже расписания уроков: в восемь выгуливают собак, без четверти девять мимо проходит участковый Костя Дёмин, срезая путь к отделению через дворы, а не по шоссе, в девять появляется дворник дядя Толя со своей неизменной беломориной в углу рта, зимой и летом одинаково. Она смотрела на это со своей высоты, как смотрят с последней парты, — видно весь класс, а тебя почти не видно, и в этом всегда была какая-то тихая справедливость.

Телефон зазвонил в половине девятого — сын звонил всегда в половине девятого, потому что в девять у него совещание, и он успевал ровно на разговор длиной в чашку кофе.

— Мам, привет. Как ты?

— Хорошо, Андрюша. Вчера было собрание жильцов, представляешь, опять на кровлю собирают.

— Опять? Вы же вроде уже сдавали.

— Вот и Роза так сказала, только более прямыми словами.

Он засмеялся — коротко, по-деловому, как смеются люди, у которых через семь минут совещание.

— Мам, слушай, я чего звоню. Мы с Катей опять говорили. Тут рядом с нами сдаётся однушка, я узнавал — цена нормальная, и до нас пешком пятнадцать минут. Ты подумай, а? Не обязательно сразу, но хоть подумай.

— Я думаю, — сказала она. — Я каждый раз думаю, когда ты звонишь.

— Мам.

— Что, мам. Я не спорю с тобой, я обещаю подумать, и я думаю.

— Просто ты одна там, в квартире, в доме, где вот эти постоянные истории с крышами и деньгами. Я же вижу, что вы там с бабулями во всё лезете, мне Костя рассказывал, вы у него уже спрашивали про какую-то ерунду прошлым летом с гаражами.

— Это не ерунда была, Андрюша, там действительно нарушение было.

— Я не спорю, что было. Я к тому, что тебе, может, спокойнее будет здесь, рядом с нами, чем там во все эти дела вступать.

Она посмотрела на пустой стул напротив, на вторую чашку в открытом шкафу, и вместо ответа, который просился сам — «мне спокойнее там, где я знаю каждый подъезд» — сказала мягче:

— Мне нужно ещё немного времени, сынок. Я подумаю к Новому году, обещаю.

— Ладно. Только правда подумай, а не просто скажи, что подумашь.

Она положила трубку и ещё минуту сидела, глядя на тетрадь с планом урока, который никому не нужен, и на чашку, которую опять не убрала. За окном дядя Толя как раз доходил до середины двора, а следом появился Костя в форме — расписание двора не подводило, и от этого почему-то стало немного легче: хоть что-то в мире шло по плану.

* * *

Рынок открывался в семь, но Роза Тимуровна приезжала в шесть тридцать — раньше остальных молочниц, раньше даже сторожа, который к этому времени только-только допивал свой утренний чай в будке у ворот. Тридцать лет на одном месте, номер четырнадцать в молочном ряду, дают человеку право приходить когда хочется и знать, что никто не займёт прилавок.

Она расставила банки, протёрла весы тряпкой, которую держала специально для этого — не для рук, для весов, — и успела перекинуться парой слов с соседкой по ряду насчёт того, что творог опять подорожал у поставщика, а покупатель об этом знать не хочет и спорит с ней так, как со снабженцем всей области целиком — хотя прилавок у неё один, номер четырнадцать.

Первой покупательницей была завсегдатайка с третьего дома по Садовой, женщина в возрасте, знавшая на рынке всех и всё. Пока Роза отвешивала ей творог, та понизила голос, хотя понижать было уже некуда:

— А ты слышала, Пантелеевы машину меняют? Валерий вроде новую иномарку смотрел, в салоне видели.

— С каких это денег, — сказала Роза, не как вопрос, а как готовую мысль, которую только предстояло проверить.

— А я почём знаю. Может, кредит взял.

— Может, и кредит, — согласилась Роза, отсчитывая сдачу, но про себя уже отложила это в тот же ящик памяти, где хранила все подобные обрывки: пригодится — вспомнит, не пригодится — тоже не потеряется, память у неё была устроена как её собственный прилавок, ничего не залёживалось и ничего не пропадало зря.

Без четверти восемь пришла Алина.

— Бабуль, привет.

— Привет, раз пришла. Что не звонила два дня?

— Работала. У нас там сдача проекта была, я тебе объясняла.

— Ты мне объясняла что-то про экран и про кнопки, я не поняла ни слова, и ты знаешь, что я не пойму, — сказала Роза, не отрываясь от банок. — Я тебя не про экран спрашиваю. Я спрашиваю, почему ты два дня не звонила бабушке, которая тебя вырастила, пока твоя мать по своим Кипрам моталась.

— Бабуль, ну не начинай.

— Я не начинаю, я констатирую факт.

Алина стояла у прилавка в куртке не по погоде — Роза это отметила молча, но с явным желанием сказать вслух, — и смотрела в телефон, пока говорила, что тоже раздражало сильнее, чем сами слова.

— Ты опять к этому своему ходишь? — спросила Роза, понижая голос, хотя вокруг уже стояли покупательницы, делавшие вид, что рассматривают творог, а на самом деле слушающие внимательнее любой сплетницы. — К тому, с усами, который на мотоцикле.

— Его зовут Дима, бабуль. И это не твоё дело.

— Дима, — повторила Роза таким тоном, каким на рынке произносят цену, в которую сама не веришь. — Дима на мотоцикле без работы и без прописки в нашем районе — вот кто твой Дима.

— Ты его вообще не знаешь.

— Я тридцать лет людей вижу, Алина. Мне не надо знакомиться, мне надо один раз глянуть, как человек стоит и как здоровается.

— Бабуль, я взрослая, мне двадцать два.

— Мне тоже было двадцать два, когда я замуж вышла за твоего деда, и он мне цветы носил, а не катал на мотоцикле по объездной, чтобы соседи не видели.

Алина резко убрала телефон в карман — жест, знакомый Розе с той поры, когда внучка была подростком и точно так же хлопала дверью холодильника, если не соглашалась с ужином.

— Знаешь что, я зашла молока взять, а не лекцию слушать.

— Бери. Два литра, как обычно?

— Три.

Роза молча налила три литра, взяла деньги — ровно столько, сколько положено, ни рублём больше, — и, протягивая пакет, сказала уже мягче, потому что ссориться с утра на рабочем месте себе дороже, да и не хотелось на самом деле:

— Ты хоть поешь нормально сегодня. У тебя вид, будто ты неделю студенческую жизнь ведёшь.

— Я поем, бабуль. Пока.

— Пока, — сказала Роза ей вслед и, повернувшись к соседке по ряду, которая честно продолжала делать вид, что рассматривает творог, добавила: — А ты что, тоже брать будешь, или так постоишь послушаешь?

Соседка не нашлась с ответом и молча отошла.

* * *

В поликлинике №2 смена начиналась в восемь, но неписаное правило гласило: приходиться за пятнадцать минут, чтобы успеть переодеться и не оправдываться потом весь день перед старшей медсестрой. Лида Сорокина это правило соблюдала всегда, даже когда не выспалась, как сегодня, — вчера полночи писала в домовую чат про лампочку и отвечала соседям, которые вместо решения проблемы разводили дискуссию, чья это вообще обязанность — менять лампочки, ЖЭКа или ТСЖ.

Кабинет пах спиртом и чем-то ещё, безымянным, свойственным только поликлиникам — не больничным, а именно районным, с их вечной очередью и стендами про диспансеризацию, приклеенными скотчем ещё в прошлом десятилетии.

— Слышала? — спросила напарница, едва Лида успела надеть халат.

— Что слышала?

— Про сокращение. Говорят, полставочников сокращать будут, оптимизация. У нас же полставки, у тебя и у меня.

У Лиды внутри что-то опустилось — не резко, а медленно, как опускается ведро в колодец, когда отпускаешь цепь и не тормозишь.

— Кто говорит?

— Главная сказала завхозу, завхоз сказал кастелянше, кастелянша мне.

— Это же не официально ничего.

— Официально будет, когда уже поздно будет что-то делать, — сказала напарница и пошла принимать первого пациента, оставив Лиду стоять с этой новостью, как с чужой сумкой, которую попросили подержать и забыли забрать.

День шёл своим чередом: перевязки, давление, бесконечные бабушки и дедушки с карточками, в которых почерк врачей было не разобрать даже тем, кто двадцать лет на этой работе.

Лида делала всё как обычно, но мысль о сокращении сидела где-то под рёбрами весь день, и к обеду она уже дважды переспросила у пациента то, что он и так объяснил ясно.

Один из пациентов, дедушка с четвёртого подъезда их же дома, которого она перевязывала после того, как он неудачно упал у гаражей, придержал её за рукав, когда она уже собиралась к следующему.

— Дочка, а ты не торопись так. Успеешь ты меня перевязать, я никуда не убегу.

— Простите, Пётр Ильич, у меня по записи ещё восемь человек.

— Восемь, — покачал он головой. — Раньше на весь этаж одна медсестра была, и ничего, справлялись. Теперь у вас тут не поликлиника, а конвейер, прямо как на заводе.

Она не стала спорить, хотя могла бы сказать, что медсестёр с каждым годом становится меньше, а не больше, и что конвейер этот держится ровно на таких, как она, которым совестно кому-то отказать. Просто улыбнулась, закончила бинтовать и пожелала беречь ногу.

В обеденный перерыв она вышла в коридор позвонить — не по делу, просто услышать голос, — и набрала Нину.

— Нина Аркадьевна, извините, что отвлекаю на работе.

— Ничего, Лидочка, я дома, у меня как раз чай остыл, самое время поговорить. Что случилось?

— Да так. Говорят, сокращать будут полставочников. Я не знаю, правда это или слухи, но я весь день как не своя хожу.

— Слухи в поликлинике редко бывают беспочвенными, Лидочка, к сожалению.

— Вот и я так думаю. А у меня мама на лекарствах, я же на эту ставку и живу почти.

— Ты не переживай раньше времени. Если что — соберёмся, подумаем. Три головы лучше одной, тем более наши три.

Лида не ответила сразу, только вздохнула в трубку — не театрально, а как вздыхают люди, у которых накопилось и которым нужно было именно это услышать: что она не одна.

— Спасибо, Нина Аркадьевна. Ладно, я побегу, обед кончился.

Домой она возвращалась после шести, уставшая настолько, что даже сумка казалась тяжелее обычного. У подъезда, второго, того самого, где Пантелеев неизвестно зачем ходил, хотя жил в первом, лампочка на площадке между четвёртым и пятым опять не горела — та же самая, что и на прошлой неделе, а может, и не та же, кто их считает.

Лида остановилась, посветила телефоном, чтобы найти замок, и постояла секунду в темноте подъезда, слушая, как где-то этажом выше хлопнула дверь и залаяла соседская собака. Дома, скинув сумку у порога и даже не переодевшись, она первым делом заглянула к маме — та уже спала перед телевизором, с показанным по третьему кругу сериалом, — накрыла её пледом, убавила звук и только после этого пошла на кухню разогревать себе то, что осталось со вчера.

Потом, уже сняв куртку у себя в комнате, она открыла домовой чат и напечатала одним пальцем, вздыхая при каждой букве:

«Девочки, в подъезде номер два опять темно на площадке между 4 и 5. Уже который раз именно там. Может, кто скажет в ТСЖ, чтобы обратили внимание, а не просто лампочку меняли».

Она отправила сообщение, посмотрела на две галочки и легла спать, так и не дождавшись ответа. За окном шумел редкий в этот час транспорт, а где-то этажом выше скрипнула дверь и стихли шаги — обычные звуки засыпающего дома, под которые она и провалилась в сон.

Глава 3. Чужие ботинки

Будильник прозвонил без десяти семь, и первым делом рука потянулась не к нему, а к тумбочке — проверить, на месте ли фонарик, тот самый, розин, с рынка, который вчера весь вечер провёл в сумке без дела, потому что до площадки между четвёртым и пятым она вчера так и не дошла: смена была во вторую, возвращалась засветло. Сегодня смена была в первую, а значит — снова через тот пролёт, снова в темноте. За окном ещё стояла настоящая ночь, только редкие фонари вдоль дороги отбрасывали жёлтые круги на мокрый асфальт после вчерашнего дождя.

Лида оделась тихо, чтобы не разбудить маму, заглянула в комнату — та спала ровно, дыхание слышно, всё в порядке, — взяла сумку, фонарик, ключи и вышла на лестницу без четверти восемь, когда солнце вроде уже встало, но до окон верхних этажей ещё не достало, а лампочки на площадках, там, где они горели, отбрасывали больше тени, чем света.

На кухне, пока пила чай стоя, она успела подумать про вчерашний разговор с напарницей — про сокращение, про полставки, про то, что надо бы сходить к старшей медсестре и спросить прямо, а не гадать по слухам, — и от этой мысли на душе было тяжелее, чем от предстоящей смены. Мысль про лампочку в подъезде казалась на этом фоне мелочью, но именно мелочи с утра почему-то раздражают сильнее крупных бед: с крупной бедой ещё непонятно что делать, а с лампочкой всё просто — написать в чат, и ничего не изменится.

На шестом было светло — там лампочка работала. На пятом тоже, кое-как, вполне. А дальше, между пятым и четвёртым, начиналась та самая темнота, знакомая уже третий месяц, и Лида, не думая, включила фонарик заранее, ещё до поворота лестницы, — привычка, выработанная за эти месяцы, как привычка искать поручень, если под ногами лёд.

Луч упёрся во что-то на площадке раньше, чем она успела понять — во что именно. Сначала показалось: кто-то бросил куртку, или сумку, забыл, обронил. Потом луч скользнул чуть ниже, и она увидела ботинки — не разбросанные как попало, а стоящие вроде бы правильно, вот только ноги в них были повернуты не так, как поворачивают ноги живые люди, даже те, кто присел завязать шнурок или уронил что-то и наклонился поднять.

Она не закричала. Позже, когда её будут спрашивать, она сама удивится, что не закричала, а просто остановилась на две ступеньки выше — ноги отказались нести её дальше, хотя лестница продолжалась.

— Валерий Иванович? — сказала она в темноту, негромко, как спрашивают, не разбудили ли соседа стуком в неурочный час.

Ответа не было. И тишина в подъезде — обычная лестничная тишина, с гудением где-то в стояке и капелью из неисправного крана в мусоропроводе, — вдруг показалась ей совсем другой тишиной, хотя звуки были те же самые.

Она заставила себя сделать ещё шаг, светя фонариком уже прямо перед собой, и увидела руку — вытянутую вдоль ступеньки, ладонью вверх, как будто он что-то просил или что-то уронил и тянулся за этим. Пальто было расстёгнуто. На лестнице, ниже площадки, валялась связка ключей — та самая, с брелоком в виде домика, которую она видела у него на собрании неделю назад, когда он доставал из кармана ручку постучать по графину.

Дальше она не смотрела. Потом, когда её будут спрашивать снова и снова — сначала соседи, потом Костя, потом ещё кто-то в форме, которого она не запомнила по фамилии, — она будет повторять эту фразу как единственную, которую точно может сказать без сомнений: дальше я не смотрела.

Руки не слушались, когда она набирала номер — не сто двенадцать сначала, а почему-то Нину, потому что палец сам нашёл в списке контактов знакомое имя быстрее, чем справился с тремя незнакомыми цифрами.

— Нина Аркадьевна, — сказала она, и голос сорвался на середине имени. — Нина Аркадьевна, тут... тут Валерий Иванович. На лестнице. Он не отвечает. Я думаю, он умер.

— Где ты, Лида? Где именно?

— Второй подъезд. Между четвёртым и пятым. Там, где темно.

— Стой на месте, никуда не уходи и ничего не трогай. Я звоню в скорую и Косте, и бегу к тебе.

Лида послушалась — стояла на тех же двух ступеньках, где остановилась в первый раз, прижимая к себе сумку так крепко, что заболели пальцы, и не сводила фонарика с одной точки на стене, специально не опуская луч ниже, туда, где были ботинки.

Первой прибежала Нина — в наспех наброшенном пальто поверх домашнего, с растрёпанными со сна волосами, которых Лида никогда прежде у неё не видела растрёпанными, и это почему-то напугало сильнее, чем сама лестница.

— Ты как? — спросила Нина, беря её за плечи и разворачивая лицом от площадки, а не к ней.

— Я в порядке. Я просто... я шла на смену.

— Я знаю. Смотри на меня, не туда.

Следом, минутой спустя, поднялась Роза — без грима, в халате под курткой, накинутой прямо на ночную рубашку, потому что услышала шум в чате раньше, чем Нина успела ей позвонить лично, и уже не стала переодеваться.

— Господи, — сказала она, увидев ноги на площадке снизу, с лестничного марша, куда осторожно поднялась на несколько ступенек и остановилась. — Господи боже.

— Не подходи ближе, — сказала Нина. — Пусть приедут, как положено.

Соседи начали появляться один за другим — сначала дверь приоткрылась на третьем, потом на шестом, кто-то спускался в тапочках, кто-то, наоборот, поднимался снизу, привлечённый голосами, и через десять минут на лестничной клетке между этажами стояло человек семь, включая ту самую женщину с фикусом с пятого, Тамару Игнатьевну, которая молча стояла у перил чуть в стороне от остальных, сложив руки, и не задавала вопросов — только смотрела вниз, туда же, куда старалась не смотреть Лида.

С третьего этажа спустилась семья Крутиковых в полном составе, даже подросток вышел без наушника — редкий случай, — и глава семьи, увидев внизу мигающий на площадке фонарик Лиды, тут же принялся выяснять у соседей, что случилось, громким голосом, каким обычно требовал на собраниях ревизии.

— Кто там? Пантелеев, что ли? Я же говорил, эта лестница когда-нибудь кого-нибудь угробит, я же на собрании говорил!

— Тише ты, — одёрнула его жена. — Человек лежит, а ты как на рынке торгуешься.

— Я не торгуюсь, я по факту говорю. Сколько раз писали?

Никто ему не ответил, и он замолчал, хотя всем видом продолжал считать себя правым, — так замолкают люди, которым нечем ответить на вопрос, но обидно признавать чужую правоту в такое утро.

Костя приехал раньше скорой — минут через двенадцать, в форме, застёгнутой не до конца, видно, одевался на ходу, — и первым делом развёл всех по сторонам, попросил не топтаться на лестнице и не трогать перила там, где, по его словам, «может, ещё пригодится».

— Лида Петровна, вы нашли?

— Я. Шла на смену, было темно, я не сразу поняла, что это.

— Кричали?

— Нет. Наверное, надо было, но я не закричала.

— Трогали что-нибудь?

— Нет. Я даже фонарик держала на стену, чтобы не видеть.

Костя присел на корточки у тела, посветил своим фонарём — служебным, помощнее Лидино, — и с минуту молчал, разглядывая площадку, ступеньки, перила, связку ключей внизу марша.

— Лампочка не горит здесь давно? — спросил он, не оборачиваясь, скорее в пространство, чем к кому-то конкретно.

— Третий месяц, — сказала Лида. — Я в чат писала.

— Не первый раз пишешь, я видел, — сказал Костя и повернулся к соседям на площадке выше. — Кто-нибудь вчера вечером видел Валерия Ивановича? Во сколько, где?

Соседи неохотно зашевелились, переглядываясь, — так бывает, когда все вроде что-то видели, но никто не хочет быть первым, кто скажет.

— Я видела около девяти, — сказала наконец женщина с четвёртого. — Он у себя во дворе стоял, курил, хотя вроде бросил вообще-то курить в том году.

— Один стоял?

— Один. Потом ушёл в подъезд, я не смотрела, в какой.

— А из второго подъезда кто-то выходил или заходил после девяти?

Все молчали. Тамара Игнатьевна у перил тоже молчала, глядя вниз, и когда Костя перевёл взгляд на неё, лишь качнула головой — не видела, мол, — хотя вопрос ей прямо никто и не задавал.

Костя записал что-то в блокнот и наконец поднялся, отряхивая колени. — Похоже, оступился в темноте, полетел вниз, ударился головой о перила или ступеньку. Такое, к сожалению, бывает — возраст, темнота, крутая лестница, у нас в районе уже был случай похожий, два года назад, на Первомайской.

— Несчастный случай, — тихо повторила Нина, пробуя слово на вкус и находя его не совсем подходящим, хотя вслух возразить было нечем.

— Пока предварительно так, — сказал Костя. — Экспертиза покажет точнее, но по всему похоже на падение. Плохое освещение, сами видите. Надо ТСЖ на это как следует прижать, а то с этой темнотой дописались уже до греха.

Роза, стоявшая позади всех, скрестила руки на груди и всматривалась в тёмный пролёт лестницы так внимательно, будто в темноте могло быть что-то ещё, помимо самой темноты.

— Несчастный случай, — повторила и она, но уже совсем другим тоном, чем Нина, — не пробуя слово на вкус, а взвешивая его, как взвешивают на рынке товар, о котором заранее знают, что вес указан неверно.

Приехала скорая, следом подъехали ещё двое в штатском, на своей машине, с чемоданчиками, и Косте пришлось снова разводить всех по сторонам, теперь уже настойчивее, объясняя, что здесь будут работать, и просить всех разойтись по квартирам, дать пройти.

Лиду Нина отвела к себе — не отпустила домой одну, усадила на кухне, налила чай, который та не смогла выпить, только грела о чашку озябшие вдруг пальцы, хотя на улице было не холодно.

— Мне же на смену, — сказала Лида одними губами, глядя куда-то мимо чашки. — Я опаздываю уже.

— Никуда ты сегодня не пойдёшь, — сказала Нина. — Я сама позвоню твоей старшей медсестре и всё объясню, поверь мне, они поймут.

— А если правда несчастный случай... — начала Лида и замолчала, не зная, чем закончить эту фразу и зачем вообще её начинала.

— Тогда это просто очень грустная история, — сказала Нина, садясь напротив и накрывая её холодные пальцы своими. — И нам всем будет тяжело, но правильно будет её пережить и жить дальше.

Она сказала это, как говорила когда-то ученикам после плохих оценок — ровно, без нажима, чтобы успокоить, — но в собственной голове одновременно, отдельно от голоса, кру-

тилась мысль, за которую ей самой было немного стыдно в такое утро: слово «несчастный» слишком легко слетело с языка у человека, который первым делом заговорил не о том, кто мог толкнуть, а о том, что лампочку давно пора было починить.

Лида отогрелась, наконец сделала глоток чая и подняла глаза на Нину поверх чашки.

— А если он правда просто упал? Стар уже был, темнота, ступеньки крутые. Может, мы зря сейчас всё это себе думаем.

— Может, и зря, — согласилась Нина, хотя по голосу было слышно, что она сама в это не очень верит. — Валерий Иванович по этой лестнице ходил не первый год, знал каждую ступеньку не хуже собственной прихожей. Люди, которые ходят по одной лестнице тридцать лет, редко на ней спотыкаются насмерть, даже в темноте.

— А почему он вообще там был? Он же в первом подъезде живёт.

Нина промолчала — вопрос был правильный, и ответа на него у неё пока не было, только смутное ощущение, что ответ этот важнее всего, что говорили сегодня утром на лестнице.

Позвонил телефон — Андрей, не вовремя, но иначе и не бывает.

— Мам, у нас тут в новостях местных пишут про происшествие на Садовой, дом 12, это же ваш дом? Что случилось?

— Случилось, Андрюша. Председателя ТСЖ нашли на лестнице, разбился насмерть. Не переживай, у нас всё в порядке, мы с Лидой дома, пьём чай.

— Мам, час назад ты говорила, что подумаешь о переезде к Новому году. После такого я вообще не понимаю, о чём тут думать.

— Об этом поговорим потом, не сегодня, — сказала она и, положив трубку, поймала себя на мысли, что впервые за это утро искренне не хочет думать про переезд вообще, ни сейчас, ни к Новому году.

За окном кухни, если бы кто-то посмотрел, был виден тот же двор, что и всегда, — дядя Толя со своей беломориной, соседские собаки, только сегодня к этому расписанию добавилась ещё одна машина, с мигалкой, стоящая у второго подъезда, и это одно обстоятельство меняло сегодняшний двор до неузнаваемости.

Лида наконец допила чай и взглянула на часы над плитой.

— Я всё равно позвоню на работу сама, — сказала она. — Не хочу, чтобы вы за меня оправдывались, я не маленькая.

— Хорошо, — согласилась Нина. — Только не сегодня спешу никуда, слышишь. Посиди ещё немного.

Лида кивнула и осталась сидеть, глядя в чашку, а за окном тем временем к дому подъехала ещё одна машина — на этот раз без мигалки, обычная, из которой вышла женщина в тёмном пальто и медленно пошла ко второму подъезду, придерживая рукой воротник, хотя ветра почти не было.

— Инга приехала, — сказала Нина, глядя в окно. — Кто-то ей, значит, уже сообщил.

Лида ничего не ответила, только крепче обхватила пустую чашку обеими ладонями — тепла в ней уже не было, но руки почему-то не отпускали.

За окном по двору прошла соседка с собакой на поводке, задержалась у подъезда, что-то сказала другой женщине и пошла дальше — обычный вечер продолжался своим чередом, спокойно и буднично, хотя случилось многое, и с этого дня уже ничего не будет прежним.

Глава 4. Дом гудит

К открытию рынка молочный ряд уже гудел не хуже улья, и виновата в этом гудении была не погода и не привоз, а исключительно вчерашняя новость с Садовой. Роза Тимуровна за свои тридцать лет на месте номер четырнадцать успела наслушаться всякого — и про измены, и про наследства, и про то, кто кому сколько должен, — но такого наплыва версий за одно утро не помнила, кажется, с девяностых, когда весь рынок обсуждал пропавшего директора мясокомбината. Утро выдалось холодным, изо рта шёл пар, и покупательницы кутались в шарфы плотнее обычного, задерживаясь у прилавков дольше положенного — не столько за товаром, сколько за новостями.

— Слышала, Тимуровна? Пантелеева-то, говорят, столкнули.

— А я слышала — сам прыгнул, у него долги были нешуточные.

— Какие долги, ты что. У него сердце большое было, вот и всё, полез по лестнице, оно и прихватило.

— Сердце у него, может, и было, только с чего оно прихватило именно на том пролёте, где третий месяц лампочка не горит? Совпадение, что ли?

К обеду версий накопилось столько, что Роза мысленно начала их сортировать, как сортировала товар по срокам годности: свежие, у которых был хоть какой-то источник, и те, что протухли ещё на входе. По одной версии, во всём виновата была строительная бригада, которую Пантелеев якобы не рассчитал за прошлогодний ремонт подъезда, и они «приезжали разбираться». По другой — жена Инга, которая, по слухам одной покупательницы, «давно уже завела кого-то на стороне и ждала своего часа». Третья версия, самая экзотическая, принадлежала бабушке с седьмого дома, уверенной, что в доме на Садовой «нечисто испокон веков», и приводившей в доказательство историю тридцатилетней давности про то, как там до войны, кажется, было что-то не то с землёй.

— Может, ещё скажешь, домовый его с лестницы спихнул, — не выдержала Роза.

— А ты смеёшься, а зря. У меня золовка в том доме живёт, она говорит, там на пятом этаже всегда было беспокойно.

— На пятом этаже беспокойно, потому что там Крутиковы под тобой, если ты про наш дом, а не про твою золовку с другого края города.

Покупательница обиделась и ушла без творога, а на её место тут же встала другая, с сумкой на колёсиках, и, даже не поздоровавшись толком, выложила свою версию — про то, что во всём виноваты строители со стройки через дорогу, которые «шастают по дворам, где ни попадя», хотя ни одна стройка через дорогу к дому на Садовой отношения не имела вовсе. Следом подошёл мужчина, покупавший обычно два литра кефира по средам, и заявил, что дело тут вовсе не в людях, а в самой лестнице, потому что «эти панельные дома вообще на живую строили, я лично знаю прораба, он рассказывал».

— А по мне, так всё проще, — вставила соседка по ряду, торговавшая сметаной. — Он же собирал деньги на кровлю второй раз за три года. Может, кто из жильцов не выдержал и решил вопрос по-своему.

— Ну ты скажешь тоже. У нас тут все скандалят, но чтобы с лестницы спихнуть — это не про наш дом, — возразила покупательница с колёсиками. — У нас максимум в чате обзовут нехорошим словом.

— Дом наш, может, и не про то, а человек оказался мёртвый, и не сам же он себе лампочку выкрутил заранее, — сказала Роза, и от её слов на секунду за прилавком стало непривычно тихо: похоже, эта мысль до сих пор никому в голову не приходила.

* * *

После рынка Роза заехала домой — не отдохнуть, а забрать пирог, который испекла ещё вчера вечером, по привычке готовить с запасом, — и по дороге завернула к Алине, благо та жила в двух остановках. Дверь открыла не сразу, и по заспанному виду было понятно, что рабочий день у неё сегодня, видимо, начинался позже.

— Бабуль, ты чего без звонка?

— Пирог принесла. И новость у нас в доме, слышала уже небось от матери — председателя нашего убили, а может, сам упал, тут пока не разобрать.

— Жуть какая, — сказала Алина, впуская её в прихожую. — Дим говорил, у них в компании тоже кто-то с крыши упал, но там стройка, а тут просто дом.

— Опять твой Дима, — вздохнула Роза, но без прежнего запала: сегодняшнее утро отодвинуло вчерашний разговор про мотоцикл куда-то на второй план. — Ладно, ешь пирог, звони мне хоть иногда. Я не со зла придираюсь, ты же знаешь.

— Знаю, бабуль. — Алина неожиданно обняла её у порога, коротко, но по-настоящему. — Ты там поосторожнее, если правда что-то нехорошее случилось. Не лезь во всё это.

— Я? Куда мне лезть, — сказала Роза с таким невинным лицом, что даже сама почувствовала фальшь в собственном голосе.

Вечером они собрались на лавочке у подъезда — не сговариваясь заранее, просто так получилось, что все трое одновременно вышли подышать, хотя на самом деле каждая понимала, что вышла вовсе не за этим.

— У меня сегодня весь рынок гудел, — начала Роза, усаживаясь и заранее готовясь выложить накопленное за день. — Версий на два романа хватит. То бригада строительная мстила, то жена завела любовника, то домовый, представляете, домовый.

— А в поликлинике, — подхватила Лида, — говорят, что у него был рак и он, зная это, специально... ну, специально сам. Хотя я в карте у него ничего такого не видела, а я бы видела, у нас же общая база.

— В школе бы тоже что-нибудь придумали, — сказала Нина, — только у меня нет школы, чтобы туда сходить и послушать, поэтому я вместо этого весь день думала сама.

— И до чего надумала?

— До одной вещи, которая не даёт мне покоя с самого утра. Валерий Иванович жил в первом подъезде. Мы все это знаем. Но задумайтесь: когда вы в последний раз видели, чтобы он входил или выходил именно из первого?

Роза с Лидой переглянулись, честно пытаясь вспомнить, и обе поняли одновременно, что вспомнить не могут.

— Он всегда через второй ходил, — медленно проговорила Лида. — Я даже не задумывалась раньше, просто примелькалось.

— Вот именно, — сказала Нина. — Примелькалось настолько, что никто не задавал себе вопрос: а что ему было делать во втором подъезде? Там же ни родственников, ни друзей, насколько я знаю. Разве что коротким путём срезать до магазина, но короткий путь через второй подъезд и длиннее, и не короче — я специально сегодня прошла и посчитала шаги.

— Ты шаги считала? — не удержалась Роза.

— Считала. Сто сорок из первого напрямую, сто девяносто через второй с обходом двора. Так что версия про короткий путь не годится.

Лида поёжилась, хотя вечер был не холодный.

— То есть он туда специально ходил. Зачем?

— Вот это я и хочу узнать, — сказала Нина. — И, кажется, я знаю, с чего начать.

* * *

Они поднялись во второй подъезд втроём, при свете — Роза захватила с собой не только свой фонарик, но и запасной, «на всякий случай, мало ли у кого сядет», — и первым делом

Нина повела их не к площадке между четвёртым и пятым, а сначала на первый этаж, потом на второй, третий.

— Смотрите внимательно, — говорила она, останавливаясь на каждой площадке. — Первый этаж — горит. Второй — горит. Третий — горит, хоть и слабо, лампочка на исходе, но горит.

На четвёртом этаже она тоже посветила вверх, на плафон, и он тоже оказался цел и рабочий.

— А теперь — та самая площадка.

Лестница между четвёртым и пятым встретила их привычной темнотой. Нина посветила фонариком в плафон — стеклянный колпак был на месте, никто его не разбивал, — но самой лампочки внутри не было. Не перегорела: перегоревшая лампочка обычно так и остаётся торчать в патроне, чёрная изнутри, с оборванной нитью. Эта была просто выкручена и унесена, оставив пустой патрон, слегка блестящий металлом там, где раньше был контакт.

— Пусто, — сказала Роза, тоже заглядывая. — И тут пусто, и на следующем пролёте, между пятым и шестым, тоже посмотрим?

Они прошли выше — там лампочка снова горела, ровно, без перебоев. Спустились и проверили ещё раз с другой стороны, снизу вверх, чтобы уж наверняка: первый этаж, второй, третий — везде свет, кроме одного-единственного пролёта, будто кто-то нарочно выбрал именно это место и обошёл стороной все остальные.

— А табуретка тут откуда? — спросила вдруг Лида, посветив в угол площадки, где у самой стены, почти незаметная в темноте, стояла невысокая деревянная скамеечка — из тех, что обычно держат у подъезда для стариков.

— Со двора, наверное, притащили, — предположила Роза. — Мало ли зачем.

— А зачем притащили именно сюда, на четвёртый — пятый, а не на другую площадку? — сказала Нина, подходя ближе и разглядывая скамеечку внимательнее. Пыли на сиденье не было — значит, стояла тут недолго, или её недавно протирали. — До лампочки без табуретки не дотянуться, тут высоко, а с табуреткой в самый раз.

Лида отступила на шаг, подальше от скамеечки, как от чего-то живого.

— Значит, кто-то специально сюда её принёс, чтобы выкрутить лампочку. Заранее.

— Или чтобы вкрутить обратно, если бы кто-то заметил раньше времени, — сказала Нина. — В любом случае это не случайность и не халатность электрика. Это подготовка.

— Значит, темно только в одном месте во всём подъезде, — сказала Лида тихо, будто боялась, что её услышат стены. — Только там, где его нашли.

— Именно, — кивнула Нина. — А теперь вспомните, что говорила я неделю назад: Валерий Иванович ходил именно через этот подъезд, хотя жил в первом. И именно на этом единственном пролёте, где он часто бывал, лампочка не горит уже третий месяц, хотя во всех остальных местах дома с освещением всё в порядке. Один непогасший, а точнее — намеренно погашенный участок лестницы, и именно там человек, знавший каждую ступеньку, вдруг падает насмерть. Вы верите в такие совпадения?

— Я тридцать лет на рынке, — сказала Роза после паузы. — Я вообще ни во что не верю, что мне не показали и не взвесили. Но в это я тем более не верю.

Лида посмотрела на пустой патрон над головой, потом вниз, на ступеньки, где ещё вчера утром лежал человек, которого она знала — не близко, но здоровалась каждый день, — и почувствовала, как внутри что-то определённо и окончательно перешёлкнуло: из вчерашнего испуга в сегодняшнюю, более трудную решимость.

— И что мы теперь будем делать? — спросила она.

— То, что умеем, — сказала Нина. — Спрашивать. Смотреть. Записывать, кто что вспомнит. У нас, в отличие от полиции, есть одно преимущество, которого у Кости никогда не будет.

— Какое?

— Нас никто не боится сказать лишнего. С нами люди болтают так же свободно, как на рынке у Розы.

— Ну спасибо, — фыркнула Роза, впрочем, без обиды. — Только смотрите, чтобы Костя потом на нас не обиделся, что мы раньше него докопались.

— Костя пусть радуется, — сказала Нина. — Меньше работы.

— Костя не обрадуется, — покачала головой Лида. — Он же нам официально всё запретил ещё после истории с гаражами прошлым летом.

— Запретил спрашивать у него. Гулять по собственному подъезду он нам запретить не может, — сказала Нина рассудительно, тем тоном, каким на педсовете отклоняют неудобное возражение, формально оставаясь в рамках приличий. — Мы просто соседки, которые беспокоятся об освещении. Это наше законное право как жильцов.

— Ты прямо как адвокат заговорила, — усмехнулась Роза.

— Тридцать четыре года перед классом — тоже школа риторики, только платят там мало, — сказала Нина, и все трое невольно улыбнулись, впервые за этот тяжёлый день.

Они спустились обратно во двор, и Лида, прежде чем разойтись по подъездам, вынула телефон и, не удержавшись от старой привычки, набрала в домовом чате короткое сообщение — теперь уже не жалобу, а что-то вроде личной пометки для памяти, хотя отправила её, как обычно, всем: «Лампочка на 4–5 во втором подъезде так и не горит. Патрон пустой, лампочку явно выкрутили, а не она перегорела. Если кто видел, кто это делал — напишите мне, пожалуйста».

Ответа в тот вечер не пришло. Но где-то в доме, за одним из тёмных окон, кто-то это сообщение прочитал внимательнее, чем все остальные вместе взятые.

Роза, поднявшись к себе, ещё долго не могла уснуть — ворочалась, слушала, как в стояке гудит вода у соседей, и думала о скамеечке на площадке, о пустом патроне, о том, что весь рынок сегодня гадал на кофейной гуще, а разгадка, похоже, была куда прозаичнее и ближе, чем любая из услышанных версий: не домовая, не мигранты, не мстительная бригада — а кто-то свой, из дома, кто знал расписание жильцов не хуже, чем она сама знает своих покупателей.

Она поднялась, подошла к окну и посмотрела на тёмный силуэт второго подъезда напротив. Где-то там, за одним из этих окон, спал — или не спал — человек, для которого прошедший день был не расследованием, а проверкой: заметили или нет.

Роза этого, конечно, знать не могла. Но своим рыночным чутьём, тем самым, которое подсказывало ей за версту, кто пришёл торговаться просто так, а кто действительно нуждается в товаре, она чувствовала: дом ещё не сказал последнего слова, и завтрашнее утро принесёт что-то похуже вчерашних сплетен. За окном, в темноте, тихо шелестели последние листья на тополе у детской площадки, и этот звук почему-то показался ей сегодня тревожнее обычного.

Глава 5. Кто не пришёл

Чёрное платье провисело в шкафу с прошлой осени, с похорон одной из бывших коллег по школе, и, доставая его утром, она поймала себя на мысли, что за шесть лет вдовства обзавелась своего рода траурным гардеробом — не нарочно, просто так получается у людей её возраста: чем дольше живёшь, тем чаще шкаф спрашивают об одном и том же.

Нина Аркадьевна погладила платье, хотя гладить было особо нечего, просто чтобы занять руки перед тем, как выйти из дома, и вспомнила похороны мужа — не саму церемонию, которая стёрлась почти полностью, а именно это утро перед ней, эти же самые сборы, ту же тишину в квартире, только тогда тишина была совсем свежей, а сейчас — привычной, как старая мебель. За окном моросил мелкий сентябрьский дождь, и капли стекали по стеклу неровными дорожками, оставляя на подоконнике едва заметные разводы пыли, смытой водой.

Роза и Лида зашли за ней без четверти десять, обе тоже в чёрном, обе с одинаково серьёзными лицами, какие бывают у людей, которые собираются на похороны и одновременно стараются не думать о собственных. Роза, против обыкновения, молчала всю дорогу до лифта, только крепче обычного сжимала ручку сумки.

— Автобус до кладбища идёт в половине, — сказала Лида, поправляя платок. — Я узнавала расписание, чтобы не опоздать.

— Успеем, — сказала Роза. — У меня в сумке ещё термос с чаем, если кто замёрзнет, — на кладбище всегда ветрено, сколько ни одевайся.

Они вышли вместе, и по дороге к остановке Нина поймала себя на том, что рада не идти одна: в такие дни разница между тем, чтобы горевать в компании, и тем, чтобы горевать в пустой квартире, где даже спросить не у кого, во сколько автобус, чувствуется острее обычного.

Похоронили Валерия Ивановича на городском кладбище, за поликлиникой, там же, где хоронили большинство жителей Стрелиц последние лет тридцать. Народу собралось прилично — не столько из личной любви, сколько из того общего понимания, что председателя ТСЖ, даже не самого любимого, полагается проводить всем домом, иначе потом самой стыдно будет смотреть в глаза соседям.

Крутиковы явились в полном составе, стояли отдельной группой у самой ограды, вели себя тише обычного — не из уважения, а, кажется, из растерянности, потому что скандалить на похоронах даже глава семьи не решался, а без скандала он явно не знал, куда девать руки и голос. Один раз он всё же не выдержал и пробормотал соседу вполголоса что-то про то, что «теперь опять новых выборов ждать, а толку, один хрен такого же насажают», но тут же поймал взгляд жены и замолчал, разглядывая носки своих ботинок с преувеличенным вниманием. Марат, бухгалтер, пришёл один, без семьи, бледный настолько, что Нина невольно подумала: этому мальчику стоило бы у Лиды измерить давление раньше, чем Тамаре Игнатьевне.

Тамары Игнатьевны, впрочем, не было вовсе.

Пётр Ильич, опираясь на палку, тоже держался неподалёку от Нины и Розы, комментируя происходящее в своей обычной манере — вполголоса, но так, что слышали трое ближайших рядов.

— Народу-то немного, — сказал он, оглядывая кладбище. — В моё время на похороны председателей весь дом сходился, а теперь вон, дай бог, треть.

— Треть — уже неплохо для такого человека, Пётр Ильич, — заметила Нина.

— Я не говорю, что он плохой был, я о том, что люди теперь другие. Раньше сосед соседа знал в лицо и по имени-отчеству, а теперь у нас в подъезде половину жильцов ты и я одни только по именам и помним.

Роза, стоявшая с другой стороны, тихо фыркнула — не со зла, а потому что была полностью согласна и не видела смысла добавлять что-то ещё.

Марат подошёл к ним сам, неловко, — видно, заранее собирался с духом, прежде чем решиться подойти.

— Нина Аркадьевна, Роза Тимуровна, здравствуйте. Тяжёлый день.

— Тяжёлый, Марат Русланович, — согласилась Нина. — Вы, я вижу, один пришли.

— Жена с ребёнком дома осталась, маленький ещё, простыл. — Он помолчал, комкая в руках перчатки. — Я, если честно, сам не знаю, зачем пришёл. Валерий Иванович меня в последний месяц дёргал постоянно, то ему одна справка нужна, то другая, то суммы пересчитать заново, хотя я уже трижды пересчитывал. Думал, придирается. А теперь думаю — может, зря я так решил.

— А по каким суммам он вас дёргал? — спросила Нина как бы между делом, тем тоном, каким на педсовете задают самый важный вопрос последним, чтобы не спугнуть.

— Да по всем, если честно, — начал было Марат и тут же осёкся, поймав себя на лишнем слове. — Ну, обычная бухгалтерия. Взносы, расходы, отчётность перед правлением. У нас же каждая копейка должна быть подтверждена документом, я щепетильно к этому отношусь, честное слово.

— Никто и не сомневается в вашей щепетильности, Марат Русланович, — мягко сказала Нина. — Просто вы сегодня выглядите так, что эта щепетильность вам дорого обходится.

Марат замялся.

— Да так, по кровле в основном. По смете. Извините, Нина Аркадьевна, мне сейчас, наверное, не стоит про это, день такой.

— Конечно, извините, что спросила, — сказала Нина мягко, хотя про себя уже отметила и это тоже: Марат нервничает сильнее, чем нервничают люди, которым просто жаль начальника.

Марат кивнул и отошёл к своей машине, ни разу не обернувшись.

Инга Пантелеева стояла у самой могилы, в тёмном пальто, том самом, в котором приезжала к дому в день смерти мужа, и держалась ровно, без театральности — ни рыданий напояз, ни каменного лица, просто спокойное, немного отстранённое горе человека, для которого происходящее было ещё слишком свежим, чтобы осознать до конца.

После церемонии, когда основная часть людей потянулась к автобусам, Нина подошла к ней — не с расспросами, просто выразить соболезнование, как полагается, но разговор сам собой протянулся дольше, чем оба ожидали.

— Спасибо, что пришли, Нина Аркадьевна, — сказала Инга. — Валера вас уважал, кстати. Говорил, вы единственная на собраниях говорите по делу, а не просто ругаетесь.

— Он был непростым человеком на этом посту, — сказала Нина осторожно. — Такая должность — не сахар, всегда кто-то недоволен.

— Не то слово. — Инга посмотрела в сторону свежей могилы, и впервые за день на её лице проступила настоящая усталость. — Он в последний месяц вообще сам не свой был. Не спал толком, всё куда-то звонил, из комнаты выходил, если я заходила. Я думала — с работой проблемы, у него же ещё и своя небольшая фирма была, помимо ТСЖ.

— А вы не спрашивали, что случилось?

— Спрашивала. Он говорил — ничего, не лезь, сам разберусь. — Инга помолчала. — Знаете, самое обидное, что я в это поверила. А теперь думаю: может, и правда что-то было, а я просто не настояла.

Нина мысленно отметила это себе — не спал, звонил кому-то, просил не лезть — и уже собиралась спросить о чём-то ещё, но тут к ним подошёл Костя, в форме, тоже отдававший последний долг, но уже переключившийся с траурного тона на рабочий.

— Инга Сергеевна, извините, что в такой день, но пара вопросов по делу, когда сможете.

— Конечно, Костя, — сказала она устало. — Я понимаю, работа.

Нина отошла, давая им поговорить, но не настолько далеко, чтобы не видеть их лиц — годы за учительским столом научили её читать по лицам не хуже, чем по словам. Инга слу-

шала Костю спокойно, кивала, один раз даже слабо улыбку какой-то его фразе — видимо, дежурному извинению за неуместность вопросов в такой день, — и во всей этой сцене не было ничего, что выдавало бы вину или страх, только усталость человека, у которого впереди ещё оформление документов, наследство, звонки родственникам и вся остальная бюрократия смерти, которая начинается ровно тогда, когда сил на неё уже совсем не осталось.

Она вернулась к Розе с Лидой, которые стояли поодаль, у ограды, и о чём-то тихо переговаривались.

— Заметила, кого нет? — спросила Роза, едва Нина подошла.

— Тамары Игнатьевны, — кивнула Нина. — Я как раз хотела спросить, знает ли кто-нибудь причину.

— Я узнавала, — сказала Лида. — Позвонила ей вчера вечером, спросить, во сколько автобус до кладбища идёт, думала, вместе поедет. Она сказала, что не сможет — давление у неё поднялось, лежит, врач заходил.

— Ну, в её возрасте с давлением шутки плохи, — заметила Роза без задней мысли, просто как факт жизни.

Лида покачала головой, и в её лице появилось что-то новое — не сомнение даже, а лёгкая профессиональная растерянность, знакомая всем, кто много лет работает с чужими картами и цифрами.

— В том-то и странность, — сказала она медленно. — У Тамары Игнатьевны давление всегда было идеальное. Сто двадцать на восемьдесят, как у молодой. Я ей ещё в прошлом месяце завидовала, говорила, вот бы мне так в её годы. Она у нас образцовая пациентка, ни одного скачка за три года наблюдений.

— Может, разово подскочило, — сказала Роза. — От переживаний. Всё-таки сосед умер.

— Может, — согласилась Лида, но без уверенности в голосе. — Только у людей с таким устойчивым давлением, как у неё, оно от переживаний не скачет так резко, чтобы слечь на весь день. Я бы, если честно, ожидала это от кого угодно в доме, только не от неё.

Нина слушала, ничего не говоря, и в этот момент — как это часто с ней бывало, когда собиралась одна деталь к другой, — почувствовала знакомое ощущение, будто на полях чужого сочинения нашла подчёркнутую красным строчку, на которую раньше никто не обратил внимания. Тамара Игнатьевна не пришла на похороны единственного человека в доме, ради которого положено было прийти, и оправдалась тем, чего у неё, по словам человека, знающего её карту лучше любого врача, попросту не бывает.

— Лида, — сказала она наконец. — Ты сейчас, кажется, сказала важную вещь.

— Про давление?

— Про давление. Запомни, что ты сейчас сказала, слово в слово, а лучше — запиши куда-нибудь для верности. Мне кажется, оно нам ещё пригодится.

— Ты серьёзно думаешь, что тётя Тамара... — Лида не договорила, будто сама испугалась мысли, до конца ещё не додуманной.

— Я пока ничего не думаю, — сказала Нина. — Я просто запоминаю. Хорошая учительница никогда не делает выводов по одной цитате, но всегда её подчёркивает.

Роза посмотрела на обеих и покачала головой — не из несогласия, а с видом человека, который на своём рынке давно усвоил простую истину: если хоть у одной торговки за прилавком дрогнула рука без причины, причина обязательно найдётся, просто не сразу.

— Ну вот, — сказала она, оглядываясь на удаляющуюся фигуру Инги, которая всё ещё разговаривала с Костей у могилы. — Час назад мы хоронили человека, а теперь уже сомневаемся в соседке, которая всем в подъезде цветы поливает. Хорошенькие похороны.

— Именно поэтому я и запоминаю, а не делаю выводов сразу, — сказала Нина. — Пойдёмте, автобус скоро.

Они пошли к остановке через кладбищенскую аллею, мимо старых оград, где хоронили ещё довоенных жителей Стрелиц, и Нина, шагая, продолжала мысленно перебирать разговор с Ингой — про бессонные ночи мужа, про звонки, про «не лезь, сам разберусь» — раскладывая его рядом с новой деталью про давление, как раскладывают на столе карты, ещё не зная, какая масть в итоге выиграет, но уже чувствуя, что игра идёт не та, за какую её выдавали с самого начала.

В автобусе они сели рядом, все трое на одном сиденье, хотя вдвоём там было бы удобнее, — Лида у окна, Роза посередине, Нина с краю, — и почти всю дорогу молчали, глядя, как за окном сменяются знакомые улицы: рынок, уже закрытый в этот час, школа №3 с тёмными окнами по случаю выходного, поликлиника, где завтра снова заступать Лиде на смену, если, конечно, к тому времени ещё останется на что заступать.

— Знаете, что меня больше всего задело сегодня? — сказала вдруг Лида, не отрываясь от окна. — Не про давление даже. А что мы стоим на похоронах и думаем не о том, как жалко человека, а о том, кто из соседей мог его убить. Разве это нормально?

— Ненормально, — согласилась Нина. — Но, наверное, единственное, чем мы можем его по-настоящему пожалеть, — это узнать правду, а не просто погоревать неделю и забыть, как забыли уже, кажется, две прошлые смерти в нашем доме за последние годы.

— Какие ещё две смерти? — насторожилась Роза.

— Я фигурально, Роза. Просто к тому, что люди быстро забывают.

— А, ну тогда ладно, — сказала Роза с явным облегчением, — а то я уже начала вспоминать, кто у нас за эти годы помер подозрительно.

Лида невольно улыбнулась — впервые за весь этот тяжёлый день, — и от этой мимолётной улыбки всем троим стало чуть легче, как бывает, когда после долгого плача кто-то наконец скажет что-то настолько простое и человеческое, что можно наконец выдохнуть. Автобус тем временем уже подъезжал к остановке возле рынка, и все трое, не сговариваясь, начали собирать сумки, готовясь к выходу в свою обычную, будничную жизнь после этого тяжёлого дня.

Глава 6. Просто уточнить

Отдел полиции в Стрелицах занимал первый этаж старого двухэтажного здания рядом с рынком — раньше там был Дом быта, и вывеска над крыльцом до сих пор хранила на кирпиче едва заметный контур старых букв, который никто не удосужился закрасить как следует. Нина проходила мимо этого здания тысячи раз за свою жизнь, но входить в него по делу ей доводилось едва ли пять. У крыльца стоял старый советский мотоцикл с коляской, накрытый брезентом, — местная достопримечательность, которую участковые меняли друг другу по наследству вместе с должностью, так и не решаясь списать окончательно.

Костю они застали за столом, заваленным бумагами настолько плотно, что монитор компьютера казался островком в этом бумажном море. Увидев всех троих разом, он не удивился — скорее устало приготовился, как готовится учитель к визиту родительского комитета, заранее зная, что разговор будет долгим.

— Нина Аркадьевна, Роза Тимуровна, Лидия Петровна. — Он встал, пожал руки, что смотрелось немного официально после стольких лет знакомства, но, видимо, того требовал рабочий этикет. — Присаживайтесь. Чем обязан?

— Мы по поводу Валерия Ивановича, — начала Нина, усаживаясь на предложенный стул. — У нас есть кое-какие наблюдения, и мы решили, что тебе следует их знать.

Костя вздохнул тем особым вздохом, каким вздыхают участковые, знающие наперёд, чем закончится подобное начало.

— Какие наблюдения?

— Во-первых, лампочка на площадке между четвёртым и пятым этажом во втором подъезде выкручена, а не перегорела. Патрон пустой, стекло плафона целое. Во-вторых, там же стоит скамеечка, которую явно принесли специально, чтобы дотянуться до лампочки, — на других этажах никаких скамеечек нет. В-третьих, Валерий Иванович всегда ходил именно через второй подъезд, хотя жил в первом, и это ни для кого не находило объяснения. В-четвёртых...

— Нина Аркадьевна. — Костя поднял руку, останавливая перечисление. — Можно я угадаю, что в-четвёртых? Тамара Игнатьевна не пришла на похороны, сославшись на давление, а Лидия Петровна, работая в поликлинике, знает, что давление у неё в норме.

Все трое замолчали, слегка растерявшись.

— Откуда ты знаешь? — спросила Роза первой.

— Потому что мне уже позвонили три человека из вашего дома, каждый со своей версией, и все три версии удивительным образом совпадают с вашими наблюдениями, — сказал Костя, и в его голосе прозвучала не издёвка, а скорее усталая нежность, с какой смотрят на упрямого, но родного человека. — У нас в Стрелицах, если вы забыли, дом слышит всё, а рынок разносит ещё быстрее.

— Значит, ты уже это всё знаешь, — сказала Нина. — Тем лучше. Тогда объясни, что вы намерены делать.

Костя откинулся на спинку стула и на секунду прикрыл глаза, собираясь с силами перед не самым приятным разговором. За окном отдела было слышно, как на рынке напротив кто-то громко торгуется из-за цены на картошку, — обычная жизнь Стрелиц продолжалась, хотя в трёх минутах ходьбы от этого кабинета произошла смерть человека, и от этого контраста самой Нине стало вдруг не по себе: город умел горевать один день и забывать на следующий.

— Нина Аркадьевна, я вам сейчас скажу то, что должен был сказать ещё в прошлом году, после истории с гаражами, но, видимо, недостаточно ясно сказал. Дело о смерти Валерия Ивановича Пантелеева ведёт следствие, официально, с криминалистами, с судмедэкспертизой, со всеми положенными процедурами. Это не ваше дело. Совсем не ваше.

— Мы же не лезем в само дело, — попыталась вставить Лида. — Мы просто рассказываем, что заметили.

— Лидия Петровна, при всём уважении, вы не просто рассказываете. Вы уже провели собственный осмотр места происшествия — не спорьте, я знаю, что вы там были, соседи видели, — вы уже опросили свидетеля, — он кивнул на Розу, — по поводу вопросов бухгалтерии на похоронах, и вы уже сделали вывод насчёт соседки на основании медицинской информации, которую, между прочим, разглашать не имели никакого права. Это не наблюдения сторонних людей. Это следственные действия, которые проводят люди без лицензии, без полномочий и, чего уж скрывать, без всякой техники безопасности.

Все трое на секунду замолчали, а Роза с достоинством поправила сумку на коленях, всем видом показывая, что замечание насчёт «без лицензии» её не смутило ни капли.

— Костя, — сказала Нина, и в её голосе прорезалась та самая учительская твёрдость, которую он помнил ещё со школьных лет, когда за тройку по литературе ему приходилось выслушивать не оценку, а целую лекцию о недопустимости халтуры. — Ты сам понимаешь, что если мы отойдём в сторону и просто будем ждать, следствие может затянуться на месяцы, а тем временем убийца — если это действительно убийца — продолжит спокойно жить в нашем доме, поливать цветы в подъезде и здороваться с нами на лестнице.

— Я понимаю ваши переживания.

— Ты не понимаешь, ты произносишь дежурную фразу, — сказала Роза. — Мы в этом доме живём десятилетиями. Мы знаем, кто, что и с кем. У полиции таких знаний нет и не будет, сколько бы экспертиз вы ни назначили.

Костя потёр лицо ладонями — жест человека, который спорит не в первый раз и заранее знает, что не выиграет.

— Хорошо. Я услышал вас. Но моя официальная позиция остаётся прежней: не вмешайтесь. Не ходите по квартирам, не задавайте вопросов, не собирайте информацию. Если у вас появляется что-то важное — звоните мне, я приеду, я запишу, это законно и это то, чем вы можете помочь. Всё остальное — не ваше.

— Костя, а можно хоть один вопрос напоследок, без протокола? — спросила вдруг Лида, до этого момента говорившая меньше всех. — Экспертиза точно установила, что это не могло быть просто падение?

Костя посмотрел на неё внимательно — дольше, чем требовал простой вопрос, — и на секунду возникло ощущение, что он всё-таки скажет что-то важное. Но вместо этого он покачал головой.

— Лидия Петровна, я правда не могу это обсуждать. Идёт следствие.

— Значит, всё-таки не просто падение, — тихо сказала Роза, ни к кому конкретно не обращаясь, но так, чтобы слышали все.

Костя не ответил ни да, ни нет, только сделал вид, что очень занят бумагами на столе, и это молчание, пожалуй, сказало больше, чем сказали бы любые слова.

— Записали, — сказала Нина, поднимаясь. — Спасибо, что уделил время, Костя. Мы понимаем твою позицию.

Они вышли на улицу, и, едва дверь отдела закрылась за ними, Роза первой нарушила молчание.

— Ну и что теперь?

— Теперь мы услышали официальную позицию, — сказала Нина спокойно, застёгивая пальто. — И будем её уважать в том, что касается настоящих следственных действий. Но, насколько я помню, Костя ничего не говорил про то, что нам нельзя просто поговорить с соседями по-соседски. Просто уточнить, как у кого дела.

— Просто уточнить, — повторила Роза с явным удовольствием, смакуя фразу, как удачную находку.

— Просто по-соседски, — добавила Лида уже почти весело, хотя минуту назад выглядела виноватой. — Это же не следственные действия. Мы же просто хорошие соседки, которые беспокоятся друг о друге.

— Именно, — сказала Нина, и в её взгляде мелькнуло что-то, чему позавидовал бы любой хитрый выпускник, сдающий экзамен методом «формально правил не нарушал».

* * *

Дома, едва она успела снять пальто, зазвонил телефон — не в привычное время, а раньше, что само по себе было тревожным знаком, потому что Андрей никогда не звонил в неурочный час без причины.

— Мам, ты как? Я весь день сегодня не мог до тебя дозвониться.

— Я была в отделе полиции, Андрюша. Ничего страшного, просто рассказывала кое-что участковому.

Наступила тишина, за время которой Нина отчётливо представила, как сын на другом конце города закрывает глаза и досчитывает до пяти, прежде чем ответить.

— В отделе полиции. Мам, у вас человек погиб в подъезде неделю назад, а ты ходишь в отдел полиции что-то рассказывать. Ты понимаешь, как это звучит?

— Понимаю, что звучит как гражданская сознательность.

— Звучит так, будто ты опять во всё это лезешь, как в прошлом году с гаражами. Мам, я серьёзно. Может, это как раз тот случай, про который я тебе говорил. Может, тебе правда стоит рассмотреть переезд, хотя бы пока там не разберутся, кто это сделал.

— Андрюша, если я уеду сейчас, я буду чувствовать себя человеком, который сбежал от собственного дома в тот самый момент, когда дому нужнее всего, чтобы кто-то остался и помог разобраться.

— Дому не нужно, чтобы шестидесятивосьмилетняя учительница на пенсии играла в детектива, дому нужно, чтобы полиция делала свою работу, а ты сидела дома в безопасности.

Она посмотрела в окно — на тот же двор, дядю Толю, собак, всё то же расписание, которое почему-то в последнюю неделю казалось не убаюкивающим, а хрупким, как будто одно неверное движение могло его разрушить окончательно.

— Я подумаю, — сказала она то, что говорила уже не первый раз, и оба это знали.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что я всегда действительно думаю, Андрюша, просто вывод получается разный.

Он вздохнул — устало, но не сердито, — и разговор свернул на более безопасные темы: как погода, как его работа, что купить внуку на день рождения, который был ещё нескоро, но о котором он почему-то заговорил именно сейчас, — видно, хотел закончить звонок на чём-то мирном.

Положив трубку, Нина ещё долго сидела на кухне, глядя на пустой стул напротив, и думала не столько про переезд, сколько про то, что впервые за долгое время у неё появилось дело, ради которого стоило вставать по утрам, — и она совершенно не собиралась отказываться от этого дела ради спокойствия, даже ради спокойствия собственного сына.

Она поднялась на кухню, сварила себе гречку — просто, без затей, как варила всегда, когда не было настроения готовить что-то серьёзное, — и, уже сидя за столом, поймала себя на том, что снова и снова прокручивает в голове разговор с Костей: его последнее молчание про экспертизу, его усталый взгляд, его нежелание врать напрямую там, где он мог бы просто соврать и отделаться. Костя не умел врать хорошо — это она помнила ещё с тех пор, как он, двоечник по литературе, но честный мальчик, признавался, что не читал заданное произведение, вместо того чтобы придумывать неправдоподобный пересказ, как делали остальные.

Это молчание про экспертизу и было ответом. Просто не тем ответом, который можно записать в протокол.

На следующий день, встретившись с Розой и Лидой у подъезда, она первым делом сказала:

— Начнём с обхода. Соберём деньги на венок — приличная сумма, чтобы было, с чем идти, — и обойдём весь дом, квартира за квартирой. Это ведь совершенно законный повод для визита, ты сама сказала, Роза, — люди любят, когда к ним приходят по-соседски, с понятной целью.

— С деньгами всегда любят, когда приходят, — усмехнулась Роза. — Вопрос только, что при этом ещё удастся выяснить.

— Тогда я список составляю, — деловито сказала Лида, доставая блокнот, который теперь носила с собой постоянно, с тех пор как Нина посоветовала записывать всё важное. — По квартирам, чтобы никого не забыть. У нас в доме тридцать шесть квартир, если считать оба подъезда, минус наши три, минус квартира самого Валерия Ивановича — туда, наверное, неудобно с венком идти, раз уже похоронили.

— А сумму какую собирать будем? — спросила Роза практично. — Если совсем символическую, люди не откроют толком душу, будут думать, что мы просто формальность соблюдаем. А если серьёзную попросим — заподозрят неладное, зачем такие деньги на венок, который уже отгорел своё на кладбище.

— По двести рублей с квартиры, — предложила Нина. — Не мало, чтобы люди отнеслись серьёзно, не много, чтобы никто не удивился и не стал задавать встречных вопросов.

— Разумно, — согласилась Роза. — Ты умеешь считать чужие деньги, Ниночка, тебе бы в бухгалтерию, а не в школу.

— Я тридцать четыре года считала не деньги, а сочинения, это сложнее. — Нина тоже улыбнулась, и все трое невольно рассмеялись, впервые за это утро.

— К Инге как раз можно, — заметила Нина. — Соболезнования по такому поводу уместны в любое время, а заодно и повод поговорить ещё раз, уже спокойнее, без Кости рядом.

— А с Тамары Игнатьевны начнём или на потом оставим? — спросила Лида напряжённым голосом — очевидно, мысль о разговоре с соседкой, которую она столько лет считала просто доброй тихой женщиной с фикусом, давалась ей нелегко.

— На потом, — решила Нина после короткого раздумья. — Начнём с тех, кто попроще, потренируемся на них задавать вопросы аккуратно, не в лоб. А к Тамаре Игнатьевне подойдём, когда будем готовы услышать любой ответ, включая тот, которого боимся.

Роза кивнула, соглашаясь, а Лида молча спрятала блокнот обратно в сумку — вместе с блокнотом туда же спряталась и её тревога, до поры до времени.

— Вот это мы и уточним, — сказала Нина. — Просто уточним.

Глава 7. Двенадцать квартир

Список Лида составила накануне вечером, аккуратным почерком, каким заполняла карточки в поликлинике, — двенадцать квартир на первый день, начиная со второго подъезда, потому что, как справедливо заметила Нина, там всё и случилось, и соседи там будут разговорчивее прочих. Вечер выдался прохладным, но сухим, и во дворе ещё горланили последние в этом сезоне дети, гоняя мяч у гаражей, пока родители не позвали их домой ужинать.

— Роза, только без импровизаций, — предупредила Нина, когда они собрались во дворе с копилкой для денег — обычной жестяной банкой из-под чая, обклеенной для солидности листом бумаги с надписью «Сбор на венок В.И. Пантелееву». — Мы говорим правду: собираем на венок, ничего больше.

— Я разве обещала врать? — невинно спросила Роза, поправляя банку под мышкой.

— Ты не обещала, но у тебя лицо человека, который уже придумал три версии на выбор.

— У меня просто выразительное лицо, тут ничего не поделаешь.

Первой открыла дверь пенсионерка с четвёртого этажа, худая женщина в халате, тут же впустившая их на кухню и усадившая пить чай, хотя чай никто не просил.

— Ой, девочки, конечно, дам, как не дать, человек всё же умер, хоть и не сказать чтобы святой был. — Она достала кошелек, отсчитала двести рублей мелочью. — А правда, что вы говорите, будто там всё непросто было, не просто так упал?

— Мы ничего такого не говорим, — быстро вставила Нина.

— А зачем тогда по квартирам ходите, если не разузнать?

— За венком же, — сказала Роза с таким честным лицом, что даже Нина на секунду ей почти поверила. — Хотя, конечно, раз уж вы сами заговорили — вы ничего странного в последнее время не замечали? Гостей у него, может, лишних?

— Гостей я не видела, а вот что кровлю второй раз собирают, а крыша как текла, так и течёт — это я вам точно скажу. У меня сестра на седьмом этаже, у неё в кладовке до сих пор потолок в разводах.

— И у вас та же история? — уточнила Лида, уже строча в блокноте.

— А то. Я уж думала, может, только у нас так, а оказывается — везде.

Они вышли с двумя сотнями в банке и первой строчкой в блокноте Лиды: «Кровля — течёт, деньги собирали дважды».

Вторая квартира, соседняя, встретила их тишиной — никто не открыл, хотя за дверью явно работал телевизор. Лида честно отметила в блокноте «не застали», а Роза, приложив ухо к двери на секунду дольше приличного, тихо сообщила:

— Дома они, просто не хотят открывать. Может, у них тоже вопросы к правлению, только они предпочитают их не задавать вслух.

Третья дверь принадлежала молодой семье с ребёнком — молодая мама, укачивающая младенца на руках,пустила их только на порог, дала сто рублей, извинилась, что больше сейчас нет, и, уже закрывая дверь, добавила вслед:

— Вы там узнайте, кстати, когда кровлю обещают доделать. У нас в детской после дождя разводы на потолке появились, я боюсь, это грибок скоро пойдёт, а с ребёнком это, сами понимаете, дело нешуточное.

— И тут кровля, — заметила Лида, делая новую запись.

— Дом маленький, а болячка одна на всех, — философски заметила Роза, спускаясь по лестнице.

* * *

На шестом этаже дверь открыл мужчина в спортивном костюме, явно недовольный тем, что его оторвали от футбола, судя по звукам телевизора за спиной.

— На венюк, значит, — сказал он, оглядывая банку с нескрываемым подозрением. — А почему не через ТСЖ? У них же должен быть какой-то фонд на такие случаи.

— ТСЖ сейчас без председателя, — терпеливо объяснила Нина. — Все процессы приостановлены до перевыборов, вы же понимаете.

— Понимаю. А то, может, вы, старушки, тут сами решили деньги собрать, а венюк купите какой подешевле, а остальное — себе.

Роза шагнула вперёд прежде, чем Нина успела ответить дипломатично.

— Молодой человек, мне семьдесят один год, я тридцать лет продаю молоко за копейку прибыли с литра, и если бы я хотела разбогатеть на чужом горе, я бы придумала что понадежнее двухсот рублей с квартиры. Хотите — не давайте, дело ваше, только потом не удивляйтесь, если про вас на собрании вспомнят как единственного, кто пожалел на венюк соседу.

Мужчина, пробурчав что-то про «ладно, ладно», всё же полез за деньгами, и, закрывая за ними дверь, добавил уже без прежней подозрительности:

— Кстати, а кровлю когда чинить будут? А то мы тоже сдавали, а толку чуть.

— Вот и вы туда же, — сказала Лида, снова записывая, уже с лёгкой улыбкой.

* * *

К Крутиковым идти выпало Лиде — тянули короткие спички, и ей не повезло, — но открыла на удивление не хозяйка дома, а сам глава семьи, в майке, с полотенцем через плечо — видно, только что вышел из душа.

— На венюк, значит, — сказал он, вспомнив, видимо, недавнюю стычку у Нины с квитанциями. — Ну давайте, чего уж. Только я вам сразу скажу: я про этого Пантелеева правды никогда не боялся говорить, при жизни и после смерти. Мутный он был мужик, при всём уважении к покойным.

— В каком смысле мутный? — не удержалась Лида.

— В таком, что деньги любил считать не при свидетелях. Я сам видел, как он с этим бухгалтером своим шушукался в подъезде вечерами, не один раз. О чём шушукались — не знаю, не подслушивал, я не из таких.

— А кровля когда будет, вы, случайно, не в курсе? — спросила Лида, механически, уже привычным движением записывая слово «шушукались» в блокнот.

— Вот это вы у меня спрашиваете третий год подряд, — фыркнул Крутиков, но деньги всё же дал, отсчитав ровно двести рублей без сдачи.

* * *

Инга открыла им сама, в домашнем, с уставшим, но собранным лицом человека, который уже начал привыкать жить с непривычным грузом.

— Спасибо, что зашли, — сказала она, принимая соболезнования во второй раз за неделю с той же ровной благодарностью. — Венюк — это хорошо, это правильно.

Пока Нина разговаривала с ней о формальностях, Роза как бы невзначай заглянула в комнату, где на столе лежали какие-то бумаги — похоже, документы на квартиру и наследство, — и, вернувшись, тихо толкнула Лиду локтем.

— Ты видела, там нотариус уже отметил, — прошептала она, пока Инга была занята поиском кошелька в прихожей. — Быстро она с бумагами разобралась для убитой горем вдовы.

— Роза, — так же тихо, но резко одёрнула её Нина. — Это не наше дело, что и когда она оформляет.

— Я просто отмечаю факт.

— Ты подглядываешь в чужие документы в доме человека, который две недели назад мужа похоронил. Это уже не наблюдательность, это бестактность.

Инга вернулась прежде, чем спор успел разгореться сильнее, и передала деньги, ничего не заметив, а трое вышли на лестницу в неловком молчании, которое разрешилось только этажом ниже.

— Нина, я не со зла, — сказала Роза, когда за ними закрылась дверь подъезда на площадке. — Просто мы же ищем не только доброе слово, мы ищем правду.

— Правду ищут, не роясь в чужих бумагах исподтишка, пока хозяйка отвернулась. Это разница между расследованием и подглядыванием, и я, честно говоря, не хочу участвовать во втором.

— А в чём тогда, по-твоему, разница между твоим «просто уточнить» вчера и моим взглядом на стол сегодня? — не осталась в долгу Роза. — Ты же сама вчера сказала Косте одно, а собираешься делать другое.

Нина замолчала, задетая тем сильнее, что возразить было почти нечем: грань между «уточнить по-соседски» и «выведать любой ценой» действительно оказалась куда тоньше, чем ей хотелось бы признавать.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Давай договоримся: мы спрашиваем, слушаем, замечаем то, что само лежит на виду. Но не лезем туда, куда нас не звали, и не открываем чужие ящики, даже если очень хочется. Согласна?

— Согласна, — сказала Роза без особой убеждённости в голосе, и Нина мысленно решила, что договорённость продержится максимум до следующего интересного стола.

Лида, до этого молчавшая, наблюдая за перепалкой с некоторым испугом, робко подала голос:

— Девочки, может, не будем ссориться. Мы же одна команда.

— Мы не ссоримся, — хором сказали обе, и, услышав, как это прозвучало одновременно, невольно рассмеялись, чем и погасили остаток напряжения быстрее, чем сумели бы любые извинения.

* * *

Оставшиеся квартиры прошли уже быстрее, по накатанной схеме: Роза заводила разговор, Нина следила, чтобы разговор не переходил границ приличия, Лида записывала. На девятом этаже им долго не открывали, а когда открыли — оказалось, хозяйка просто спала после ночной смены и была не рада гостям, но деньги дала, лишь бы отвязались побыстрее. На третьем этаже пожилой мужчина минут двадцать пересказывал историю своего знакомства с покойным ещё с девяностых, о делах ничего важного не сообщив, зато напоив всех троих чаем с вареньем, от которого было неудобно отказаться. На седьмом этаже дверь открыла женщина, оказавшаяся дальней роднёй Марата, и, узнав, что бухгалтера на похоронах видели бледным, тут же заступилась за него так горячо, что впору было заподозрить не Марата, а саму эту родственницу в излишней осведомлённости.

К вечеру они обошли все двенадцать квартир из списка, банка потяжелела заметно, а блокнот Лиды заполнился записями, из которых складывалась одна и та же картина с редкими вариациями. Кто-то жаловался на кровлю прямо, кто-то — обиняками, но вопрос звучал в той или иной форме у семи семей из двенадцати: где деньги, где ремонт, куда делась крыша, за которую платили дважды.

— Семь из двенадцати, — подытожила Нина, когда они уселись на той же лавочке у подъезда, разбирая записи при свете фонаря на столбе. — Больше половины, и это только за один вечер и один подъезд. Если такая же картина в остальных, мы говорим не о случайном недовольстве нескольких скандалистов, а о том, что весь дом знает: денег на кровлю собрали много, а кровли по-прежнему нет.

— Марат на похоронах тоже занервничал, когда ты про суммы спросила, — напомнила Лида, листая блокнот назад.

— Значит, деньги — это то место, откуда стоит тянуть нить, — сказала Нина. — Завтра идём смотреть документы в правлении. Официально или неофициально — там разберёмся.

Роза потрясла банкой, прислушиваясь к звону монет внутри, и хмыкнула — не весело, а с той тяжёлой, взвешенной иронией, с какой оценивают товар, про который знают заранее, что он окажется с гнильцой.

— Забавно получается, — сказала она. — Мы за один вечер, обходя дом с банкой для покойника, узнали больше, чем полиция, судя по всему, узнала за неделю с экспертизой и протоколами.

— Не забавно, — тихо поправила Нина, глядя на список квартир, где против имени Инги стояла аккуратная галочка Лиды. — Грустно. Потому что, если мы правы, кто-то в этом доме уже месяцами знал про эти деньги — и молчал, пока молчание не стоило человеку жизни.

Лида пересчитала записи в блокноте ещё раз, водя пальцем по строчкам.

— Семь про кровлю впрямую. Крутиков — про шушуканье с Маратом по вечерам. Родственница на седьмом — про то, что Марата на похоронах видели бледным, и она почему-то сразу кинулась его защищать, хотя её никто ни в чём не обвинял. — Она подняла глаза. — Это ведь тоже странно, да? Защищаться, когда не спрашивают.

— Ещё как странно, — согласилась Нина. — Люди редко оправдываются заранее без причины. Обычно за этим стоит либо чувство вины, либо страх, что вина ляжет на кого-то, кто им дорог.

— Думаешь, она знает больше, чем говорит?

— Думаю, завтра стоит поговорить с Маратом ещё раз, уже без похорон вокруг, в более спокойной обстановке. Может, правление — не худшее место для этого. Заодно посмотрим документы, которые Костя нам, конечно, официально не покажет, но которые вполне может показать бухгалтер сам, если правильно попросить.

— Правильно попросить — это опять твой метод, а не мой? — не удержалась Роза, но уже без прежней колкости, скорее чтобы разрядить последний остаток напряжения между ними.

— Мой метод и твой метод, — сказала Нина, устало улыбнувшись. — Сегодня мы, кажется, наконец нашли, где заканчивается твой и начинается мой, и это уже неплохой результат для одного вечера.

Лида спрятала блокнот и банку с деньгами в сумку и напоследок ещё раз пересчитала записи вслух — для собственного спокойствия, чтобы точно убедиться, что ничего не забыла и не перепутала:

— Значит, завтра — правление и Марат. И, наверное, стоит ещё раз подумать про Тamarу Игнатьевну — мы её так и не навестили сегодня, отложили на потом, а «потом» уже вроде как наступило.

— Наступило, — согласилась Нина. — Но не сегодня. На сегодня, мне кажется, мы все трое исчерпали запас смелости на один вечер.

Роза не стала спорить — редкий для неё случай, — только молча кивнула и первой пошла к своему подъезду, унося с собой позвякивающую банку и ту самую неудобную мысль о человеке, который знал про деньги и молчал, пока молчание не обернулось смертью.

Они разошлись по подъездам поздно, когда во дворе уже зажглись все окна, кроме одного — на пятом этаже второго подъезда, где, как обычно, было темно и тихо: хозяйка квартиры сорок семь, судя по всему, уже легла спать.

Нина ещё немного постояла у своего подъезда, глядя на тёмное окно и пытаясь понять, что именно её в нём смущает, но так и не смогла сформулировать эту мысль до конца — она осталась висеть где-то на краю сознания, чтобы вернуться позже, в куда более подходящий момент.

Глава 8. Смета есть, крыши нет

Правление занимало полторы комнаты в цокольном этаже первого подъезда — раньше там была диспетчерская, и запах сырости с тех времён никуда не делся, въевшись в стены вместе с запахом старой бумаги, которой в шкафах вдоль стен скопилось на небольшую библиотеку. У входа стояли резиновые сапоги неопределённого размера — видимо, для тех редких случаев, когда приходилось спускаться в подвал проверять трубы, — и рядом старый зонт с погнутой спицей, прислонённый к косяку.

Марат пришёл открывать сам, хотя формально мог отправить кого-то из уборщиц с ключом, — видно, решил, что лучше проконтролировать процесс лично, чем потом объясняться перед новым председателем, кого пускал и зачем.

— Вы как жители имеете право ознакомиться с финансовой документацией ТСЖ, — сказал он, включая свет и раскладывая на столе первую стопку папок. — Только, пожалуйста, ничего не выносите и верните всё в том же порядке, у меня тут своя система.

— Марат Русланович, у вас, я смотрю, порядок в бумагах образцовый, — заметила Нина, обводя взглядом аккуратные корешки с датами. — Даже завидно, у меня в школьном архиве такого никогда не было.

— Стараюсь, — коротко ответил он и отошёл к своему столу, откуда исподтишка поглядывал на них весь следующий час, делая вид, что занят собственными делами.

Комната была тесной — один канцелярский шкаф, два стола, окно под самым потолком, из которого была видна только полоска асфальта и чьи-то ноги, проходившие мимо. Нина невольно вспомнила школьный архив, где проверяла старые классные журналы: та же смесь пыли и казённой бумаги, тот же незаметный уют, который бывает только в помещениях, где годами хранят чужие цифры и чужие судьбы, аккуратно подшитые по датам.

— С чего начнём? — спросила Лида, оглядывая шкаф с некоторой растерянностью: полок было много, а система, о которой говорил Марат, была понятна, кажется, только ему одному.

— С кровли, — сказала Нина. — Раз уж половина дома в один голос про неё спрашивает, с неё и начнём.

Роза, не тратя времени, потянула на себя папку с надписью «Кровля, смета» — Лида подметила ещё во время ночной вылазки, что такая существует, и запомнила полку.

— Вот, — сказала Роза, раскрывая её на столе. — Смета трёхлетней давности, при Семёне Аркадьиче ещё. Сумма — почти как теперешняя.

Нина склонилась над документом, читая с той же внимательностью, с какой когда-то проверяла итоговые сочинения, выискивая не ошибки в запятых, а логические провалы в тексте.

— Смета утверждена, подрядчик указан — «СтройГарант», работы должны были начаться в октябре того года, завершение — к ноябрю. Акт выполненных работ... — она перелистнула страницу, другую, — акта нет. Вообще нет в деле.

— Может, потерялся, — предположила Лида без особой уверенности.

— Может, — согласилась Нина. — А может, его никогда и не было, потому что подписывать было нечего.

Роза тем временем откопала вторую папку, потоньше, с прошлогодней датой.

— А вот эта уже при Пантелееве. Смета почти слово в слово повторяет прошлую — тот же объём работ, даже формулировки похожи, только сумма процентов на пятнадцать выше, инфляция, наверное. Подрядчик другой, «Кровля-Сервис», хотя чем он отличается от «СтройГаранта», я, признаться, не знаю, оба звучат одинаково несерьёзно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.